

PAPER DETAILS

TITLE: "????????????? ??????????" ??????? ??????????????: ????????? ????????? ??????????????
????????????????? ? "????????? ????????" ??????? ????????? ????????? ??????????

AUTHORS: Mikail PUSKIN,Davut DAGABAKAN

PAGES: 277-291

ORIGINAL PDF URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/1346173>

ЛАФЕРТОВСКАЯ МАКОВНИЦА АНТОНИЯ ПОГОРЕЛЬСКОГО: РОЖДЕНИЕ РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ФАНТАСМАГОРИИ И ЗОЛОТОЙ ГОРШОК ЭРНСТА ТЕОДОРА АМАДЕЯ ГОФМАНА

ANTHONY POGORELSKY'S THE LAFERTOVO POPPYCAKE SELLER: THE BIRTH OF THE RUSSIAN ROMANTIC FANTASMAGORIA AND *THE GOLDEN POT* OF ERNST THEODOR AMADEUS HOFFMANN

Mikail PUŞKİN* & Davut DAĞABAKAN**

MAKALE BİLGİSİ	ÖZET
 Geliş: 15.10.2020 Kabul: 24.12.2020 Anahtar Kelimeler: Гофман, Погорельский, Фантасмагория, Сентиментализм, Романтизм. Araştırma Makalesi	В основе статьи лежит сравнительный анализ на уровне художественного выражения произведений “Лафертовская маковница” Антония Погорельского и “Золотой горшок” Эрнста Теодора Амадея Гофмана, принадлежащих к жанру романтической фантасмагии. В центре анализа находится произведение Погорельского как наследующего, но переосмысляющего литературную традицию Гофмана в ключе русского нравоучительного сентиментализма. В ходе исследования сопоставляются персонажи, образный ряд и идеологические установки авторов, определяющие как принципиальные отличия, так и сходство их произведений. В начале статьи обозначено присутствие творчества Погорельского в современном художественном пространстве. Также затронуты релевантные детали биографии автора как имеющие отношение к пониманию его значимости в литературной среде современников и связи с творчеством Гофмана. Помимо исследования первоисточников, сравнительный анализ подкреплён отсылками к критической литературе и высказываниям современников автора. Кратко приведены примеры влияния “Лафертовской маковницы” на идейный и образный ряд в творчестве ключевых авторов русской художественной классической литературы. В результате анализа демонстрируется самобытность творчества Погорельского и его значимость в развитии литературного процесса в России, несмотря на фундаментальное влияние творчества его вдохновителя, Э. Т. А. Гофмана.
ARTICLE INFO	ABSTRACT
 Received: 15.10.2020 Accepted: 24.12.2020 Keywords: Hoffmann, Pogorelsky, Phantasmagoria, Sentimentalism, Romanticism. Research Article	The core of the article is the comparative analysis at the level of artistic expression of the works “The Lafertovo Poppycake Seller” by Anthony Pogorelsky and “The Golden Pot” by Ernst Theodor Amadeus Hoffmann, both belonging to the genre of romantic phantasmagoria. At the center of the analysis is the work of Pogorelsky, who is not just inheriting but also rethinking Hoffmann's literary tradition in the light of Russian moralizing sentimentalism. In the course of the study, the works are compared in terms of the characters, imagery and worldview attitudes of the authors, which determine both the fundamental differences and the similarities in their works. At the beginning of the article, current standing of Pogorelsky's work in the contemporary public eye is described. Relevant details of the author's biography are also touched upon as pertinent to understanding his significance in the literary environment of his contemporaries and the connection with the work of Hoffmann. In addition to researching primary sources, the comparative analysis is supported by references to critical literature and statements made by the author's contemporaries. Examples of the influence of “The Lafertovo Poppycake Seller” on the ideological worldview and imagery in the works of key authors of Russian classical fiction are briefly given. The analysis demonstrates originality of Pogorelsky's work and its significance in the development of the Russian literary tradition, despite the evident fundamental influence of the work of his inspirer, E.T.A. Hoffmann.

* Sorumlu Yazar (Corresponding Author), Dr. Öğr. Üyesi, Ağrı İbrahim Çeçen Üniversitesi, Fen Edebiyat Fakültesi, Sosyoloji Bölümü, Ağrı / Türkiye, E-mail: pushkin169@gmail.com.

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-0467-1699>.

** Dr. Öğr. Üyesi, Ağrı İbrahim Çeçen Üniversitesi, Yabancı Diller Yüksekokulu, İngilizce Mütercim-Tercümanlık Bölümü, Ağrı / Türkiye, E-mail: ddagabakan@agri.edu.tr.

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-0563-0960>.

Bu makaleyi şu şekilde kaynak gösterebilirsiniz / To cite this article (APA):

Puşkin, Mikail-Dağabakan, Davut (2020). “Лафертовская Маковница Антония Погорельского: Рождение Русской Романтической Фантасмагии и Золотой Горшок Эрнста Теодора Амадея Гофмана”. *Uluslararası Dil, Edebiyat ve Kültür Araştırmaları Dergisi (UDEKAD)*, 3 (2): 277-290. DOI: <http://dx.doi.org/10.37999/udekad.810924>.

Extended Abstract

The comparative analysis of the works *The Lafertovo Poppycake Seller* by Anthony Pogorelsky and *The Golden Pot* by Ernst Theodor Amadeus Hoffmann, both belonging to the genre of romantic phantasmagoria, is at the heart of the article. Since writings of the latter are widely known and well-researched, his novella acts as a prism used to illuminate the unique distinctive features of Pogorelsky's work at the level of artistic expression: ideas, characters, imagery. This necessitates placement of *The Lafertovo Poppycake Seller* at the center of the comparative analysis, with its author not just inheriting but also rethinking Hoffmann's literary tradition in the light of Russian moralizing sentimentalism.

In order to validate the choice of Pogorelsky's novel as a viable research subject, his works' standing with contemporary critics and the broader public eye of today are discussed. While clearly belonging to the category of minor classics less known to the reader of our time, *The Lafertovo Poppycake Seller* is shown to be a notable influence on the greater Russian classics (such as A. S. Pushkin and M. A. Bulgakov). A brief look at Pogorelsky's personal and literary biography confirms close familiarity with Hoffman's work, which becomes further evident when considering clear similarities within the larger body of works of both authors, justifying the paper's choice of research subjects and its comparative approach.

The initial focus of the analysis is on the main characters of the novels: superficially similar, yet acting based on different worldview and moral principles of their authors. While Pogorelsky inherits Hoffmann's form, he transforms it instilling with different meaning, message and ideology. Both novels' protagonists are young attractive marriageable girls. Hoffmann's Veronika willingly engages with supernatural forces to gain the man she loves, yet later marries a man of high social standing, choosing prosperity over love to the author's censure. To the contrary, Pogorelsky's humble Masha (sentimental novel type character) actively rejects supernatural forces with their promise of riches and power, for which she is rewarded by the author with the man she loves and prosperity. Hoffmann's romantic idealism is contrasted with moralizing sentimentalism of Pogorelsky.

This difference in worldviews is further reinforced via the characters of Masha's mother and father. The former is guilty of one of the seven deadly Christian sins: greed, willingly seeking aid of supernatural forces. Her inner world is thus corrupt as is her withering appearance. In contrast, the father (Onufrih) is depicted as reasonable, honest and likable if naive, trying to make things right all through his life. With him Pogorelsky establishes a type of character essential for Russian literature of the 19th century: the small man.

The characters representing supernatural forces are numerous in Hoffman's *Golden Pot*, while *The Lafertovo Poppycake Seller* only includes two: the cat and the witch. For both authors, the supernatural is intertwined with the real possessing both a secret and a mundane persona. The witch by day is a poppy cake seller (Hoffman's one is an applemonger), while familiar cat is at the same time the state councillor (a likely prototype character for Bulgakov's cat Behemoth). For both authors, wizards, witches and familiars try to resolve their own, very human problems (such as getting one's daughters married well). The key difference is that although Hoffmann's supernatural forces are fascinating, powerful and terrifying, they are not in themselves evil, instead the good ones help people escape from the suffocating mundane reality, while the evil ones seek to enforce it. For Pogorelsky, supernatural forces represent evil temptation, which is countered by love and faith inherent in good people.

Hoffman's setting is enhanced representing reality through the prism of heightened romantic sensitivity, while Pogorelsky's world is down to earth, realistic, familiar, common. The mundane reality that Hoffmann strives to escape from into the realm of magic and wonder is in a way the good *proper* solid reality that Pogorelsky glorifies.

The analysis demonstrates originality of Pogorelsky's work and its significance in the development of the Russian literary tradition, despite the evident fundamental influence of the work of his inspirer, E.T.A. Hoffmann. *The Lafertovo Poppycake Seller* has amalgamated literary tendencies that have already emerged in Russia in the first quarter of the 19th century: in a short period of time, the literary tradition has absorbed classicism,

romanticism and realism. Possessing such unique features, Pogorelsky's works hold further potential for academic research.

ANTONY POGORELSKY'DEN *LAFERTOVSKAYA MAKOVNİTSA*: RUSYA ROMANTİK FANTASMAGORİA'NIN DOĞUŞU VE ERNST THEODOR AMADEUS HOFFMANN'IN *ALTIN KAP*'I

Özet

Çalışmamız, Anthony Pogorelsky'nin "Lafertovo Haşhaş Kek Satıcısı" ve Ernst Theodor Amadeus Hoffmann'ın romantik fantazmagoria türüne ait "Altın Kap" eserlerinin sanatsal anlatım düzeyindeki karşılaştırmalı bir analizine yer vermektedir. Çalışmamızın merkezinde Pogorelsky'nin, Rus ahlaki duygusallığının anahtarındaki mirasçısı olan Hoffmann'ın edebi geleneğinin çalışması bulunmaktadır. Çalışma süresince yazarların karakterleri, imgelemleri ve ideolojik tutumları karşılaştırılarak eserlerinin hem temel farklılıkları hem de benzerlikleri ortaya çıkarılmaktadır. Çalışmamızın başında, Pogorelsky'nin modern sanat üzerine katkıları verilmektedir. Ayrıca yazarın biyografisi ile ilgili ayrıntılara, bunun edebi önemine ve Hoffmann'ın çalışmalarına da değinilmektedir. Birincil kaynak araştırmalarına ek olarak, karşılaştırmalı analizlerle beraber, literatüre eleştirel referanslar ile makale desteklenmektedir. Rus klasik romanının önemli eserlerinden biri olan "Lafertovo Haşhaş Kek Satıcısı"nın ideolojik ve mecazi çizgideki etkisine ilişkin örnekler kısaca verilmektedir. Çalışmamız, Pogorelsky'nin çalışmalarının orijinalliğini ve ilham kaynağı E.T.A. Hoffmann'ın çalışmalarının temel etkisine rağmen, Rusya'daki edebi sürecin gelişimindeki önemini göstermektedir.

Anahtar Kelimeler: Hoffmann, Pogorelsky, Fantazmagori, Duygusallık, Romantizm.

Вступление: Литературный и Исторический Контекст

Повесть Антония Погорельского "Лафертовская маковница", как и другие его произведения, малоизвестна в наше время несмотря на то, что были замечена и оказала несомненное влияние на творчество не только современников автора, но и писателей последующих поколений. Благодаря мультипликационной экранизации, его "Чёрная курица, или Подземные жители", "*первая в истории русской литературы книга о детстве и первое авторское произведение для детей*" (Василькова 2016:23), известна юному зрителю, остальные же произведения, скорее, являются предметом изучения в специализированных высших учебных учреждениях. В то же время именно "Лафертовская маковница" стала "*первым в русской литературе опытом фантастического повествования романтического типа*" (Карпов et al 1990: 591). Написанная в 1825 году повесть сразу же была отмечена современниками. "*Эта повесть положила начало отечественной фантастики из разряда гофманианы, включающей элементы потустороннего вмешательства. В новейшее время этот прием отразился в творческом преломлении Александра Васильевича Чаянова и Михаила Афанасьевича Булгакова*" (Бирюкова и Стрижёв 2017: 224).

Что связывает Погорельского и его современника Эрнста Теодора Амадея Гофмана? Прежде всего, значительная часть творчества русского писателя является наследием и переосмыслением творчества немецкого автора. Филолог Ботникова Алла Борисовна называет Погорельского “гофманистом”, утверждая, что *“Погорельский заимствовал у своего немецкого коллеги отдельные образы, сюжетные ситуации и даже, возможно, саму форму новеллистического цикла”* (Ботникова 2004: 188), в то же время признавая, что Погорельский

“обрабатывал и истолковывал их по-своему и в этих обработках настолько приблизился к основным эстетическим устремлениям русской литературы, что практически полностью игнорировал изначальную направленность оригинала. При очевидном неравенстве дарований можно, однако, утверждать, что Погорельский не столько «подражал» Гофману, сколько вступал с ним в диалог” (Ботникова 2004: 171).

Действительно, первое, что бросается в глаза, – несомненное сходство “Лафертовской маковницы” со знаменитым, неоднократно исследованным “Золотым горшком” Гофмана. И в повести, и в сказке в основе сюжета лежит любовная интрига. Причем в обоих произведениях действуют потусторонние силы – старуха-ведьма и кот-человек. Героини “Золотого горшка” и “Лафертовской маковницы”, обратившись к нечистой силе, хотят всего лишь устроить обыкновенное семейное счастье. Но ни одна из них не находит его, пока от этой силы не отказывается.

Как же могли появиться такие похожие произведения? Чтобы найти ответ на этот вопрос, следует обратиться к биографии автора “Лафертовской маковницы”. Начнем с того, что Погорельский – это псевдоним А. А. Перовского, дворянина, внебрачного сына придворного вельможи М. А. Разумовского. Псевдоним взят по имени села Погорельцы, где писатель проводил много времени. Он получил прекрасное образование. Благодаря выдающимся способностям, за два года освоил программу Московского университета и даже получил ученую степень профессора философии и словесности. Помимо русского, знал немецкий и французский языки. Погорельский был писателем пушкинского круга. Сохранилась картина “Субботнее собрание у В. А. Жуковского” (Мокрицкий 1836), на которой писатель изображен вместе с Гоголем, Пушкиным, Кольцовым...

Исследуя данный вопрос в своей статье “К вопросу о русских знакомствах Э. Т. А. Гофмана”, Игорь Бабанов приходит к выводу, что *“возможность личного знакомства ничем не подтверждается”* (Бабанов 2001: 157). Между тем известно, что Погорельский по окончании войны 1812 года провел в Дрездене около двух лет. И несмотря на то, что данных о том, встречались ли Погорельский и Гофман, нет, нельзя не отметить то, что у них была такая возможность. И тот факт, что Погорельский находился под влиянием великого немецкого романтика и был знатоком его творчества неоспорим. Кроме того, повесть “Лафертовская маковница”, изначально написанная как самостоятельное произведение, позже, в 1828 году, была включена в сборник “Двойник, или мои вечера в Малороссии”, который по стилю и композиции весьма схож с “Серапионовыми

братьями” Гофмана. В этом собрании повестей Погорельский и его двойник рассказывают друг другу всяческие фантастические истории.

“Лафертовская маковница” впервые была опубликована в журнале “Новости” в 1825 году – одиннадцать лет прошло со времени написания “Золотого горшка” (1814). Невольно хочется задать вопрос: что было целью Погорельского? Написать повесть, сходную с немецкой романтической фантастикой, но с русским национальным оттенком? По-своему обработать сюжет “Золотого горшка”? Или, может быть, создать собственное оригинальное произведение с заимствованием типажей из гофмановских повестей? Дать однозначный ответ смог бы только сам автор – нам остаётся лишь строить гипотезы. Известно, что не один Погорельский испытал на себе обаяние творчества Гофмана, но мало кто знает, что он был первым русским писателем, попытавшимся переосмыслить немецкую фантасмагорию, включить ее в российские национальные традиции написания повестей, “пересадить ее в плодотворную почву России”. Погорельский – писатель русского предромантизма, и следы предшествующих направлений еще очень заметны в его творчестве: это и герои, и взгляд на мир самого автора, и даже жанр произведения.

“Золотой горшок” – *сказка*, а значит, перед нами мир волшебный, иррациональный, но вместе с тем имеющий равные права с миром реальным. Действительно, в “Золотом горшке” практически все герои, добрые и злые, имеют двойную природу: архивариус Линдгорст и Саламандр – одно лицо, так же как конректор Паульман – *“не более как птица филин, завывающий тупей”* (Гофман 1814: 54). Более того, первостепенное значение для автора имеет как раз мир фантастический, а дрезденская реальность – только *“жалкий упадок космоса”* (Берковский 1973: 483).

“Лафертовская маковница” – повесть. Согласно словарю литературоведческих терминов, повесть – *“эпический прозаический жанр, который [...] стремится в буквальном смысле слова “поведать”, а не изобразить, в объективной, “безличной” манере”* (Тимофеев и Тураев 1974: 509). Недаром Погорельский дает нам множество подробностей: что за район города (Лафертово – Лефортово), да на какой улице стоял домик ведьмы, да как к ней (к ведьме) приходили люди, и где служил почтальон Онуфрич – чего там только нет! Сама фабула “Лафертовской маковницы” свидетельствует о торжестве рационального начала, нелепость которого высмеивается в гофмановской сказке. Так, исследователь Н. Н. Петрунина описывает его произведение как *“повесть, где ярко сказалось характерное для романтизма стремление воссоздать национально-поэтическую стихию, воспринятую через живой быт народа, народную демонологию и сказочную фантастику”* (Петрунина 1980-1983: 502).

Герои и Авторское Мировоззрение

Как соотносятся герои “Лафертовской маковницы” с мировоззренческими установками автора, и чем они отличаются от гофмановских персонажей принципиально? Маша и Вероника – девушки на выданье. Но как разнятся их характеры, как очевидна сама принадлежность персонажей произведениям разных направлений.

Говоря о своей героине, Гофман сожалеет, что Вероника принадлежит бидермейеру (бюргерскому стилю красивой и хорошей жизни). Девушка влюблена в молодого студента Ансельма. Но о чем она мечтает, какого рода эта любовь? *“Вероника предалась вполне, по обыкновению молодых девиц, сладким грезам о светлом будущем. Она была госпожой надворной советницей...”, “тут возвращается надворный советник Ансельм...”,* называет ее *“милой женошкой”* и дарит ей *“пару великолепных новейшего фасона сережек...”* (Гофман 1814: 25). Таковы мечты, и автор дает им сбыться, но сколько иронии в описании счастливого финала:

“Несколько недель спустя госпожа надворная советница Геербранд сидела действительно, как она себя прежде видела духовными очами, у окна в прекрасном доме на Новом рынке и, улыбаясь, смотрела на мимоходящих щеголей, которые, лорнируя ее, восклицали: «Что за божественная женщина надворная советница Геербранд!» (Гофман 1814: 68).

Увы, волшебные слова “надворный советник” покоряют сердце Вероники больше, нежели Ансельм. Но даже такая Вероника не столь однозначна, банальна: в ней есть нечто, позволяющее говорить о романтической природе героини. Ведь не ради того, чтобы получить мужа – “надворного советника”, девушка обращается за помощью к ведьме: ей нужен Ансельм, поздней ночью она ворожила над кипящим котлом ради возлюбленного своего Ансельма. Мало того, оказывается, в детстве Вероника *“ходила без свечки в самую далекую комнату и часто в отцовском пудермантеле пугала соседских детей”* (Гофман 1814: 31), а в самой сцене колдовства она едина с бурей, которая *“расплела ее косы, и длинные каштановые волосы свободно развеваются по воздуху”* (Гофман 1814: 40).

Что можно сказать о Маше из “Лафертовской маковницы”? Перед нами воплощение героини сентиментальных романов. Девушка все время *“дрожит как лист”, “горькие слезы катятся по ее лицу”*, наконец, при встрече с Ульяном она *“испугалась, покраснела, потом побледнела и не знала, что сказать”* (Погорельский 2004: 8). Она ведет себя как героиня “Бедной Лизы”, которую, кстати, Погорельский перевел на немецкий язык и которую назвал *“восхитительным произведением”, “великолепным”* и *“прекрасным”* именно *“по способу своего изложения”* (Турьян 1985: 4). Сама коллизия повести типична для сентиментального произведения: девушка хороша собою (*“прекрасна, как майский день”*), *“молодые люди за нею бегали..., но Маша была бедна, и женихи не являлись”* (Погорельский 2004: 3). Позднее она влюбляется в Ульяна – симпатичного, но небогатого, как все думают сначала, молодого человека. В отличие от Вероники, Маша идет к бабушке-ведьме не ради любимого, а чтобы мать не обидеть. На самом деле богатство ее мало интересует: *“Ей показалось, что лучше жить бедною и жить с любезным незнакомцем, нежели богатой и принадлежать — бог знает кому”* (Погорельский 2004: 9) (тоже фраза в стиле Карамзина). Погорельский, в отличие от Гофмана, не осуждает такое благоразумие, традиционные жизненные ценности героини. Маше и в голову бы не пришло выйти из родительской воли: ее единственный самостоятельный поступок – отказ от сокровищ

ведьмы (девушка выбрасывает ключ в колодец). С её образом *“связан мотив покаяния: девушка отказывается от завещанного ей богатства, т. к. понимает, что ей придется вслед за покойной бабушкой стать служанкой Сатаны”* (Сафрон 2015: 68). А вот Гофман – враг благоразумия, его Вероника тогда бы стала по-настоящему счастливой, когда – богатая или бедная – принадлежала бы существу сказочному, именно *“бог знает кому”*. В этом аспекте, в частности, видна принципиальная разница в мировоззрении враждующего с обыденностью бунтаря-романтика Гофмана и приверженца традиционного взгляда на жизнь и мораль, консерватора-просветителя Погорельского, несмотря на большую близость их произведений в формальном плане. Неслучайным стало даже само слово *“маковница”* в названии повести Погорельского: здесь кроется отсылка к миру грёз как чему-то зловещему, противному человеческому праведному миру. *“Название “профессии” – маковница – того же корня, что и слово, обозначающее растение, традиционно используемое в магической практике”* (Лазарева 2008: 53); в более демистифицированном контексте: из мака производят опиум.

В том же, что и Маша, ключе решен образ ее жениха. Ульянов – своего рода набросок: автор лишь дает понять, что он положительный персонаж, и ровно столько уделяет внимания герою: *“...он человек молодой, пригожий, и если нравится Машеньке, то, может быть, скоро дойдет и до свадьбы”* (Погорельский 2004: 8), сын маркитанта – старого знакомого Онуфрича.

Зато сам Онуфрич удостоился особого внимания А. С. Пушкина: будочник Юрко из повести *“Гробовщик”* сравнивается с почтальоном Погорельского: *“Из русских чиновников был один будочник – чухонец Юрко, умевший приобрести, несмотря на свое смиренное звание, особенную благосклонность хозяина. Лет двадцать пять служил он в сем звании верой и правдою, как почтальон Погорельского”* (Пушкин 1986: 71). Перед нами прообраз того типа героя, который так занимал русскую литературу на протяжении столетия, – маленького человека. Налицо все атрибуты: это честная служба по военной и статской части: *“Онуфрич, будучи еще молодым человеком, лет двадцать послужил в поле и дослужился до ефрейторского чина; потом столько же лет верою и правдою продолжал служить в московском почтамте; никогда, или по крайней мере ни за какую вину, не бывал штрафован и наконец вышел в чистую отставку на инвалидное содержание”* (Погорельский 2004: 1), – составлявшая все содержание его жизни. Кроме того, стоит отметить и уровень суждений Онуфрича, в аккурат соответствующий 14-му классу. И это до Пушкина, до Гоголя.

Марфа Ивановна, мать Маши, занимает особое место в структуре повести. Именно через этот персонаж Погорельский показывает истинную природу зла: отнюдь не волшебные, потусторонние силы, а порок вполне человеческий – алчность. И в этом просветительский пафос автора. Порок непригляден даже внешне: *“розы на ее ланитах стали уступать место морщинам”* (Погорельский 2004: 3), – а внутренний мир Марфы – мир увядшей, жадной старухи. Кроме того, она единственный персонаж, который прибегает к помощи потусторонней силы добровольно: *“Ивановна беспрестанно*

твердила о богатстве, их ожидающем, и о счастливой жизни, которая тогда начнется” (Погорельский 2004: 7).

В мире фантасмагории героями становятся не только люди, но и животные, даже пейзажи... Коты издревле считались верными спутниками ведьм, и традиция наделять этих животных разумом и магическими свойствами была продолжена Гофманом и Погорельским. *“Фантастическое органично проникает в будничную жизнь, выписанную точно и колоритно, с мягким юмором; в этой двойственности рождается гротескный образ кота – титулярного советника Мурлыкина – настоящая творческая удача, привлекавшая внимание Пушкина”* (Брио 1996: 399). В письме брату тот писал:

“Душа моя, что за прелесть бабушкин кот! Я перечел два раза и одним духом всю повесть и брежу Трифоном (у Погорельского – Аристарх. – И. С.) Фалелеичем Мурлыкиным. Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину. Погорельский ведь Перовский, не правда ли?” (Пушкин 1937-1959: 157).

Правда, в сказке “Золотой горшок” кот лишь ведьмин помощник – он не наделен речью, но изображен весьма красочно: *“...перед ними начали змеиться и скрещиваться голубые молнии, и тут Вероника заметила, что это кот прыгал кругом них, светясь и брызгая трескучими искрами”* (Гофман 1814: 39). Известно также, что он не кто иной, как *“образованный молодой человек самого тонкого обхождения и ее (ведьмы) двоюродный брат”* (Гофман 1814: 55). Кот Погорельского тоже весьма живописен: он *“мяукал унылым голосом”* (Погорельский 2004: 13). Да и кот, статский советник Аристарх Фалелеич Мурлыкин, легко представляется читателю. Как он, *“странным образом повертывая головою, на нее [Машу] поглядывал, почти совсем зажмурив глаза”* (Погорельский 2004: 11), разговаривал, *“сильно картавя”*.

“Погорельскому-романтику важно показать в образе Маши духовную стойкость человека перед дьявольскими силами. Неслучайно кот-оборотень наделяется им комическими чертами. С юмором автор пишет о том, что почтенный титулярный советник Мурлыкин выходит из дома Онуфрича “тихо передвигая ноги”, и тут же пускается бежать, когда на него с лаем бросается собака” (Чиркова 2017: 140).

Коты – самые сходные персонажи у Гофмана и Погорельского, похожесть проявляется даже на лексическом уровне: у первого кот *“завизжал (winselte) в смертельной агонии”* (Гофман 1814: 58), а в “Лафертовской маковнице” он *“завизжал и кинулся”* в колодезь (Погорельский 2004: 13). Именно с “Лафертовской маковницы” кот-человек вошел в русскую литературную традицию, вспомним замечательного булгаковского Бегемота, *“томно раскинувшегося в кровавой луже...”* (Булгаков 1984: 191).

И конечно же, в “Золотом горшке” и “Лафертовской маковнице” не обошлось без прямого воплощения нечистой силы – ведьмы. По природе своей эти персонажи самые загадочные. Но в “Лафертовской маковнице” даже старуха-колдунья проще, однозначней, как все персонажи Погорельского: положительные герои привлекательны, отрицательные – пугающе-отвратительны: *“длинные костяные пальцы”, “зубы ее*

посинели, глаза налились кровью, нос громко начал стучаться об бороду” (Погорельский 2004: 3). Ведьма могла быть доброй бабушкой, но только в редких случаях, например “потрепала по щеке” (Погорельский 2004: 4), дабы не отпугнуть Марью. Из воспоминаний маленькой Маши мы знаем, что “ее более не водили к доброй старушке, которая всегда ее ласкала и потчевала медовым маком” (Погорельский 2004: 4). Впрочем, мерзкая старуха Лиза в «Золотом горшке» тоже кажется Веронике старой няней: “...она в самом деле узнала свою – правда, очень изменившуюся от старости и особенно от ожогов – бывшую няню” (Гофман 1814: 30). Даже профессии ведьм одинаковы. Старушку прозвали Лафертовской маковницей из-за ремесла торговли маковыми пряниками, и у Гофмана ведьма Лиза – торговка.

Сказка, Повесть и Потусторонние Силы

Каково же отношение Гофмана и Погорельского к чудесному, к силам потусторонним вообще, что отличает в этом плане сказку от повести?

Чудесное у Гофмана – это сама суть жизни, ее очарование. Молодой студент Ансельм, влюбившись в змейку с голубыми глазами, переносится в мир грез и фантазий. Этот мир ярче, реальней серой действительности, где люди живут “под стеклом” в банках и видят себя счастливыми и довольными. Только выпив пунша, регистратор Геербранд и конректор Паульман начинают чувствовать чудесный мир, верить в него. Волшебные силы сказки “Золотой горшок” злы и добры. Добрые существа увлекают человека в мир волшебства (Серпентина с ее чарующими песнями, подобными “звону колокольчиков”; архивариус Линдгорст с его чудесными историями о волшебном мире), а злые (старуха Лиза, кот), наоборот, возвращают в мир разума и обыденности. Между тем у фантастических сил есть и свои причины связывать жизнь с миром людей. Казалось бы, великого саламандра должны занимать по меньшей мере вопросы мироздания, но Гофман наделяет его стремлениями обыкновенного человека: Линдгорсту надо всего лишь выдать замуж своих дочерей-змеек. А старуха ведьма вовсе не пытается наслать чуму на полмира: ей, как и любой торговке, нужно заработать побольше денег на продаже яблок, а если повезет, – раздобыть золотой горшок. Так, благодаря иронии автор сближает миры рациональный и волшебный, но вовсе не ставит один в зависимость от другого. Исчезни хоть все бюргеры, иррациональное существовало бы само по себе.

А как соотносятся рациональное и мистическое в “Лафертовской маковнице”? Налицо “сходство основополагающих конструктивных принципов: у Погорельского, как и у Гофмана, композиционно-смысловую основу повести составляет постоянное переплетение сверхъестественного с буднично-реальным” (Маркович 1991: 6). Автор видит в иррациональном, волшебном, фантастическом силы, враждебные человеку, делающие его пособником зла (ведьма предлагает Марье в мужья человека-кота, который темному ремеслу научит) или разрушающие чистоту души (Ивановна, околдованная страстью к деньгам). Между тем рационалист Погорельский вовсе не объявляет войну потустороннему миру, но лишь делает его неотъемлемой частью московского быта, как будто бы говорит: “Посмотрите, а ведь, все эти чудеса здесь, рядом с вами”. Именно Погорельский “прописал” фантастическое по московским и

петербургским адресам. Некоторые современники и вовсе отказывались принимать повесть как фантастическую. Так, например, Воейков, редактор журнала “Русский инвалид”, в котором была напечатана “Лафертовская маковница”, снабдил повесть сопроводительной статьей, в которой пытался дать факту присутствия потусторонней силы рациональное объяснение: *“Благонамеренный автор сей русской повести, вероятно, имел здесь целью показать, до какой степени разгоряченное и с детских лет сказками о ведьмах напуганное воображение представляет все предметы в превратном виде”* (Воейков 1825: 133). Он утверждал, что сокровища старухи – *“богатая дань суеверных людей”*, а кот – *“плод расстроенного мнимым колдовством маковницы”* воображения, ибо Мурлыкин *“на беду свою был черноволос, круглолиц и носил бакенбарды”* (Воейков 1825: 134). Также стоит отметить иронию в подаче двоемирия у Погорельского, получившую развитие в произведениях классиков русской литературы. Кто не помнит фразы из “Шинели”: *“В полиции сделано было распоряжение поймать мертвеца во что бы то ни стало, живого или мертвого, и наказать его, в пример другим, жесточайшим образом”* (Гоголь 2008: 25)?

Разумное и инфернальное не могут существовать поодиночке, они часть одного целого. Даже самый праведный и набожный герой повести, отец Маши, идет к бабушке-ведьме, дабы убедить бросить колдовство: *“Онуфрич был человек набожный, и мысль, что родная тетка его свела короткое знакомство с нечистым, сильно тревожила его душу”* (Погорельский 2004: 2). Как ни праведен был Онуфрич, как ни *“верил, что никакие нечистые силы не имеют власти над чистою совестью”*, а к тетке идти боялся: *“В эту минуту дряхлая старушка показалась ему страшнее, нежели несколько лет назад турецкая батарея”* (Погорельский 2004: 2). И боится он не даром: Онуфрич, оплот рациональности в “Лафертовской маковнице”, все же верит в нечистую силу, хоть виду и не подает (на злое завывание в лафертовском доме: *“Это ветер, – хладнокровно отвечал Онуфрич, – видно, ставни неплотно запираются, завтра надобно будет починить”*) (Погорельский 2004: 9).

Злой стороне иррационального Погорельский противопоставляет две силы, *столь же нематериальные*, – веру и любовь. Молитвы отгоняют призрак бабушки от Марфы Ивановны: *“...по мере того, как она вслушивалась в молитвы, вид покойницы становился бледнее, бледнее – и наконец совсем исчез”*. Обращение к святым силам отгораживает живых от враждебного мира духов – *“помолись богу, и греза от тебя отстанет”* (Погорельский 2004: 10). Примечательно, что именно русские писатели странным образом сближают религию и мистику. Хома Брут из “Вия” именно в церкви сражается с ведьмой, а Светлана из одноименной баллады В. А. Жуковского ищет защиты от мертвеца в молитве:

“Входит с трепетом, в слезах;

Пред иконой пала в прах,

Спасу помолилась;

И с крестом своим в руке,

Под святыми в уголке

Робко притаилась”

(Жуковский 1959: 453)

Марью же берегут и любовь, и вера: думая об Ульяне, она заставляет призрак колдуньи исчезнуть:

“При входе в светлицу ей представилось, будто тень бабушки мелькала перед нею, - но не в том грозном виде, в котором являлась она Ивановне. Лицо ее было весело, и она умильно ей улыбалась. Маша перекрестилась – и тень пропала. Сначала она сочла это игрою воображения, и мысль об Ульяне помогла ей разогнать мысль о бабушке; она довольно спокойно легла спать и вскоре заснула.”
(Погорельский 2004: 10)

Стоит отметить, что даже фон, пейзаж Погорельского решены в отличном от гофмановского, совершенно ином ключе. Если в “Золотом горшке” “из бездны вырывались пары и ... бурный вихрь... выпустил из себя в избытке восторга огненную лилию” (Гофман 1814: 14), то в “Лафертовской маковнице” живо изображен русский быт, пейзаж московских окраин. “В повести создается ощущение реальности происходящего, дан реальный хронотоп, действительные, исторические места: “лет за пятнадцать перед сожжением Москвы недалеко от Проломной заставы”, “Пресненские пруды”, “Хамовники”, “Пятницкая”, “Введенское кладбище” (Жижко 2019: 96). Автор раскрывает нам жизнь простых, малозаметных людей, показывает мир их глазами, с их, пусть обыкновенными, ценностями, что уже находится у истоков русской натуральной школы.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что «Лафертовская маковница» впитала в себя литературные тенденции, которые уже сложились в России в первой четверти XIX века, когда переходящая в новую эпоху литература развивалась стремительно: за короткий отрезок времени она впитала и классицизм, и романтизм, и реализм. Благодаря такой жанровой и идейной эклектике и влиянию, которое эта повесть оказала не только на современников автора, но и на последующие поколения писателей, она может послужить интереснейшим объектом для дальнейшего исследования в интертекстуальном ключе, являясь во многом недостающим звеном в понимании процессов развития русской и русскоязычной литературы.

Etik Beyan

“Лафертовская Маковница Антония Погорельского: Рождение Русской Романтической Фантазмагии и Золотой Горшок Эрнста Теодора Амадея Гофмана” adlı çalışmanın yazım sürecinde bilimsel, etik ve alıntı kurallarına uyulmuş; ULAKBİM TR DİZİN 2020 ölçütlerine göre çalışmada etik kurul onayını gerektiren herhangi bir veri toplama ihtiyacı duyulmamıştır.

Библиография

- Бабанов, Игорь (2001). «К вопросу о русских знакомствах Э. Т. А. Гофмана». *Вопросы литературы*. 6: 155-171.
- Берковский, Наум (1973). *Романтизм в Германии*. Ленинград: Художественная литература.
- Бирюкова, Маргарита-Стрижёв, Александр (2016). «Алексей Перовский – карамзинист и фантаст». *Литературоведческий журнал*, 40: 218-227.
- Ботникова, Алла (2004). *Немецкий романтизм: диалог художественных форм*. Воронеж: Воронежский государственный университет.
- Брио, Валентина (1996). «Игра - изначальная поэзия» в творчестве Антония Погорельского». *Cahiers du Monde Russe*, 37 (4): 397-407.
- Булгаков, Михаил (1984). *Мастер и Маргарита*. http://www.bulgakov.ru/library/getfile.php?rtf=Bulgakov_ru_master_i_margarita.rtf [14.10.2020].
- Воейков, Александр (1825). «Новости литературы. Литературное приложение». *Русский инвалид*, 3: 133-134.
- Василькова, Александра (2016). *Феномен виртуальности. О переходе между мирами — на материале книг, спектаклей и фильмов, которые читали и смотрели дети второй половины XX и начала XXI века*. Москва: ГИИ.
- Гоголь, Николай (2008). *Шинель*. Москва: ЛитРес.
- Гофман, Эрнст Теодор Амадей (1814). *Золотой горшок*. http://originalbook.ru/download/H/Hoffman/ZG/Gofman_Zolotoy-gorshok_ru.zip [14.10.2020].
- Жижко, Полина (2019). «Языковые репрезентанты нереального в повести А. Погорельского «Лафертовская маковница»». *Linguistica juvenis*. 21: 89-99.
- Жуковский, Василий (1959). *Собрание сочинений в 4-х томах. (2 том)*. Москва: Гослитиздат.
- Карпов, Александр-Виролайнен, Мария и др. (1990). *Русская фантастическая проза эпохи романтизма 1820-1840 гг.* Ленинград: Ленинградский государственный университет. 5-47.
- Лазарева, Ксения (2008) «Заглавие как элемент поэтики фантастического в русской прозе 20-40-х годов XIX века». *Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки*. 150 (6): 48-57.
- Маркович, Владимир (1991). «Дыхание фантазии». *Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820 - 1840 гг.)*. Ленинград: Ленинградский Университет.

- Мокрицкий, Аполлон (1836). «Субботнее собрание у В. А. Жуковского». *А. С. Пушкин. Жизнь и творчество*. Санкт-Петербург: Всероссийский музей А. С. Пушкина. http://www.museumpushkin.ru/nauchnaya_zhizn/poslednij_god_zhizni_pushkina/fevral_1836/13_fevralya_1_fevralya_po_st._st._subbota.html [14.10.2020].
- Петрунина, Нина (1980-1983). *Проза второй половины 1820-х - 1830-х гг. (2 том)*. Ленинград: Наука.
- Погорельский, Антоний (2004). *Лафертовская Маковница*. Мюнхен: Im Werden Verlag.
- Пушкин, Александр (1937-1959). *Полное собрание сочинений: В 16 т. (13 том)*. ред. Борис Модзалевский. Михайловское: АН СССР.
- Пушкин, Александр (1986). *Сочинения в трех томах. (3 том)*. ред. Сергей Чулков. Москва: Художественная литература.
- Сафрон, Елена (2015). Традиции «чужой» готической литературы в творчестве русских писателей (А. Погорельский и О. Сомов). *X международная научная конференция «свое» и «чужое» в культуре*. 16-17 Марта 2015. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет. 67-69.
- Тимофеев, Леонид-Тураев, Сергей (1974). *Словарь литературоведческих терминов*. Москва: Просвещение.
- Турьян, Мариэтта (1985). «Жизнь и творчество Антония Погорельского». *Антоний Погорельский: Избранное*. ред. Мариэтта Турьян. Москва: Советская Россия. 3-22.
- Чиркова, Валентина (2017). Функции образа кота в повести «Лафертовская маковница» А. Погорельского в контексте культурной традиции. *От идеи – к инновации. XXIV Международная студенческой научно-практической конференция*. 27 Апреля 2017. Мозырь: МГПУ им. И.П. Шамякина, 139-140.

References

- Babanov, Igor' (2001). «K Voprosu o Russkikh Znakomstvakh E. T. A. Gofmana». *Voprosy Literaturny*. 6: 155-171.
- Berkovskii, Naum (1973). *Romantizm v Germanii*. Leningrad: Khudozhestvennaia Literatura.
- Biryukova, Margarita-Strizhov, Aleksandr (2016). «Aleksy Perovskiy – Karamzinist i Fantast». *Literaturovedcheskiy Zhurnal*, 40: 218-227.
- Botnikova, Alla (2004). *Nemetskiy Romantizm: Dialog Khudozhestvennykh Form*. Voronezh: Voronezhskiy Gosudarstvennyy Universitet.
- Brio, Valentina (1996). « 'Igra –Iznachal'naya Poeziya' v Tvorchestve Antoniya Pogorelskogo ». *Cahiers du Monde Russe*, 37 (4): 397-407.
- Bulgakov, Mikhail (1984). *Master i Margarita*. http://www.bulgakov.ru/library/getfile.php?rtf=Bulgakov_ru_master_i_margarita.rtf [14.10.2020].

- Voeikov, Aleksandr (1825). «Novosti Literatury. Literaturnoe Prilozhenie». *Rússkii Invalid*, 3: 133-134.
- Vasil'kova, Aleksandra (2016). *Fenomen Virtual'nosti. O Perekhode Mezhdú Mirami – na Materiale Knig, Spektakley i Fil'mov, Kotoryye Chitali i Smotreli Deti Vtoroy Poloviny XX i Nachala XXI veka*. Moskva: GII.
- Gogol, Nikolai (2008). *Shinel*. Moskva: Litres.
- Gofman, Ernst Teodor Amadei (1814). *Zolotoi Gorshok*. http://originalbook.ru/download/H/Hoffman/ZG/Gofman_Zolotoy-gorshok_ru.zip [14.10.2020].
- Zhizhko, Polina (2019). «Yazykovyye Reprezentanty Nereal'nogo v Povesti A. Pogorel'skogo 'Lafertovskaya Makovnitsa'». *Linguistica juvenis*. 21: 89-99.
- Zhukovskii, Vasilii (1959). *Sobranie Sochinenii v 4-kh Tomakh. (2 Tom)*. Moskva: Goslitizdat.
- Karpov, Aleksandr-Virolainen, Mariia et al. (1990). *Russkaia Fantasticheskaya Proza Epokhi Romantizma 1820-1840 gg*. Leningrad: Leningradskiy Gosudarstvenniy Universitet.
- Lazareva, Kseniya (2008) «Zaglavii kak Element Poetiki Fantasticheskogo v Russkoy Proze 20-40-Kh Godov XIX Veka». *Uchenyye Zapiski Kazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Gumanitarnyye Nauki*. 150 (6): 48-57.
- Markovich, Vladimir (1991). «Dykhanie Fantazii». *Russkaya Fantasticheskaya Proza Epokhi Romantizma (1820- 1840 gg.)*. Leningrad: Leningradskiy Universitet.
- Mokritskii, Apollon (1836). «Subbotnee Sobranie u V. A. Zhukovskogo». *A. S. Pushkin. Zhizn i Tvorchestvo*. Sankt-Peterburg: Vserossiiskii Muzei A. S. Pushkina. http://www.museumpushkin.ru/nauchnaya_zhizn/poslednij_god_zhizni_pushkina/fevral_1836/13_fevralya_1_fevralya_po_st._st._-subbota.html [14.10.2020].
- Petrulina, Nina (1980-1983). *Proza Vtoroi Poloviny 1820-kh - 1830-kh gg. (2 Tom)*. Leningrad: Nauka.
- Pogorelskii, Antonii (2004). *Lafertovskaya Makovnitsa*. Miunkhen: Im Werden Verlag.
- Pushkin, Aleksandr (1937-1959). *Polnoe Sobranie Sochinenii: v 16 T. (13 Tom)*. ed. Boris Modzalevskii. Mikhailovskoe: AN SSSR.
- Pushkin, Aleksandr (1986). *Sochineniia v Trekh Tomakh. (3 Tom)*. ed. Sergei Chulkov. Moskva: Khudozhestvennaia Literatura.
- Safron, Yelena (2015). Traditsii "Chuzhoy" Goticheskoy Literatury v Tvorchestve Russkikh Pisateley (A. Pogorel'skiy i O. Somov). *X Mezhdunarodnaya Nauchnaya Konferentsiya "Svoye" i "Chuzhoye" v Kul'ture*. 16-17 Marta 2015. Petrozavodsk: Petrozavodskiy Gosudarstvenniy Universitet. 67-69.
- Timofeev, Leonid-Turaev, Sergei (1974). *Slovar Literaturovedcheskikh Terminov*. Moskva: Prosveshchenie.

- Turian, Marietta (1985). Zhizn i Tvorchestvo Antonii Pogorelskogo. *Antonii Pogorelskii: Izbrannoe*. ed. Marietta Turian. Moskva: Sovetskaia Rossiia. 3-22.
- Chirkova, Valentina (2017). Funktsii Obraza Kota v Povesti «Lafertovskaya Makovnitsa» A. Pogorel'skogo v Kontekste Kul'turnoy Traditsii. *Ot Idei – k Innovatsii. XXIV Mezhdunarodnaya Studencheskoy Nauchno-Prakticheskaya Konferentsiya*. 27 Aprelya 2017. Mozyr': MGPU Im. I.P. Shamyakina, 139-140.